

Торжок

«Здесь на почтовом дворе, встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург на скитание прошения. Сие состояло в снискании дозволения завести в сем городе свободное книгопечатание. Я ему говорил, что на сие дозволение не нужно; ибо свобода на то дана всем. Но он хотел свободы в цензуре...»

Далее приводятся размышления о цензуре *«человека, отправляющегося в Петербург»*, за которым угадывается сам А.Н.Радищев.

Пушкин, держа в руках запрещенную книгу, не без сарказма замечает: **«...любопытно видеть о сем предмете рассуждение человека, вполне разрешившего сам себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит из всех пределов».**

Вслед за Радищевым он и сам размышляет о цензуре:

«...Писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный из всего народонаселения. Очевидно, что аристократия самая мощная, самая опасная – есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно.

Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: *(здесь просится восклицательный знак, однако у Александра Сергеевича всего лишь двоеточие, после которого*

следует существенное добавление – авт.) – ...в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом».

А далее следует и вовсе нечто странное. Пушкин ратует за цензуру, как будто, кроме Александра Сергеевича, этим более некому заниматься: **«...книги, как и граждане, ответственны за себя. Есть законы для тех и для других... Разве речь и рукопись не подлежит закону?»**

Как же обидно все это читать, особенно сейчас, когда стало возможным не только свободно публиковаться, но и публиковать. Сколько поколений мечтали об этом! Благодаря гласности мы прочитали все самые значительные произведения, которые многие годы были от нас сокрыты, узнали имена людей, боровшихся с ненавистным коммунистическим режимом, да и сам режим, как только его чуть засветили, – тут же пал под напором разоблачений.

Но внедрителей гласности может поблагодарить и отечественное начальство, которое, в отличие от коммунизма, осталось. Великое её открытие состояло в том, что свобода говорить и писать имеет огромное значение лишь при одном условии: когда все это кто-то слушает, читает и воспринимает. В противном случае наличие гласности мало чего меняет: одни говорят и пишут что хотят, другие ничего этого не слышат, не знают и знать не желают.

«Вот дураки были коммунисты, – говорил мне как-то один начальник, сам бывший коммунист, – запрещали людям говорить. Пусть бы болтали сколько угодно. Выговорится человек и успокоится. А еще лучше – позволить ему написать в какую-нибудь газету. Опубликуется – и будет доволен: вот, дескать, поднял вопрос. Так и начальство в этом случае довольно: ведь у нас, если “подняли вопрос”, значит, уже его и решили».

А вспомним, как во времена всеобщего запрета и цензуры читали книги или статьи. С карандашом в руках, внимательно, скрупулезно, по несколько раз. Искали подтекст, контекст и прочие замысловатые штучки. А найдя, как радовались! Несли это друзьям, знакомым, в массы. И массы возбуждались, прозревали, делали выводы и лишь ждали, кто позовет за собой. Бывало, ради одной только строчки покупали газеты, журналы, книги, многотомники и читали, читали,

читали... Выйдет какая-нибудь дрянь, какого-то мерзавца, а её вмиг раскупали и до дыр зачитывали. А почему? Да потому, что там оказывались несколько новых цитат из Бердяева. А тот мерзавец, между прочим, их туда и вставил с таким умыслом, чтобы книжку раскупали. При этом он умудрялся прослыть либералом, страшно смелым, почти отчаянным: надо же, экзистенциалиста в книжку вставил! А то, что крыл философа на чем свет стоит, так это чтобы как-то донести его до пытливого читателя. Ведь чем больше ругаешь, тем больше цитат дозволено. Эзопов язык, так сказать.

А сейчас? Тот же Бердяев – на каждом углу, в каждой лавке. Он самый читаемый философ, видимо, скоро войдет в школьные программы и станет как наш Александр Николаевич Радищев. Одним словом, это очень сложная и загадочная тема: запрета или дозволения печатного слова, – и потому мы её касаемся бегло и только в связи с тем, что была она поднята нашими путешественниками именно в Торжке.

Город Торжок, которому более тысячи лет, описывать негоже. Это все равно как если бы мы решили рассказать о Красной площади в Москве. Конечно, Торжок не Москва, но и о нем сказано и написано довольно много, и какие-то исторические открытия здесь совершить трудно. Мы можем предположить, что у этого города, как и у Парижа, основная история – позади. Все самое значительное, что только могло случиться с городом, уже случилось. Его и захватывали, и разрушали, и разоряли, причем если монголо-татары захватили единожды, то русские князья и цари нападали на бедный Торжок как не знаю на что и грабили, грабили, грабили... Не могли взять Новгород, так отыгрывались на Торжке. Но город выстоял, и России, конечно же, повезло, что у неё есть такой замечательный городок. Повезло ли Торжку, сказать трудно. Ведь если бы он находился, например, в Бельгии – то, безусловно, это был бы город не хуже Брюгге. Его бы привели в порядок, восстановили многочисленные храмы, монастыри, церквушки; засверкали бы всевозможные старинные постройки; обновились бы мостовые и площади; открылись бы для посетителей и туристов со всего мира старинные гостиные дворы с бесчисленными

магазинами и кафе, а по Тверце, берега которой были бы обустроены садами и усадьбами, поплыли бы во все стороны корабли с товаром из Торжка: кружевным шитьем золотом, серебром и шелком по сафьяну и бархату... Да от одного золотошвейного промысла уже вся Европа пала бы перед Торжком ниц. И не только Европа...

Но Торжок
— город наш,
родной,
российский и
потому к
вышеуказанной
идиллии пока не
готов и, может
быть, никогда не
изготовится.
Поэтому его
исторические
ландшафты
остаются

неменяемыми, а архитектура – неприкасаемой. То есть всё как стояло – так и стоит, постепенно разрушаясь. Попытки восстановить то или иное историческое здание, конечно, предпринимаются, но объем старины в городе таков, что осилить его реконструкцию под силу только очень богатому краю, с богатыми гражданами, или же при участии государства. Государству же нашему вообще не до того. Вот разрушать и завоевывать – это да, а строить... Какой уж там Торжок, если за десять лет даже баню в Медном построить не могут!

Знаменитая гостиница Пожарских, в которой Пушкин останавливался и ел котлеты, уже десять лет стоит в лесах. Недалеко от неё, на улице Дзержинского, в деревянном одноэтажном особняке Олениных расположен музей имени Пушкина. Узнав о моем интересе к путешествиям Радищева и Пушкина, сотрудники музея порекомендовали встретиться с автором книги, в которой описывается все, что касается поездок А.С.Пушкина по трассе Москва–Петербург.

Однако меня в тот момент больше интересовала тема цензуры. Поэтому я направился в редакцию одной из местных газет.

«Новоторжский вестник», а именно в редакцию этой газеты я направился из музея, издается с ноября 1917 года и является главной общественно-политической газетой района. Перед тем как зайти в редакцию, я приобрел в киоске номер газеты и внимательно его просмотрел.

На первой полосе, как водится, представлены официальные материалы, среди которых особо выделено поздравление глав администрации города и района по случаю Дня работников автомобильного и дорожного транспорта. (Мы уже знаем, что без подобных поздравлений редко какая газета обходится.)

«Уважаемые работники автомобильного транспорта и дорожного хозяйства! Примите самые искренние и сердечные поздравления с вашим профессиональным праздником. Автомобильный транспорт – связующая артерия народного хозяйства. Именно вашим круглосуточным трудом обеспечиваются пассажирские перевозки, доставка различных грузов в самые отдаленные уголки страны. Автомобилисты – люди трудной и опасной профессии, по праву пользующиеся всеобщей любовью.

Желаем вам крепкого здоровья, удачных рейсов, счастливого возвращения домой, где вас всегда ждут любимая жена, подруга, дети. Благополучия вам и много-много радости. Мы хотим, шофер, чтоб тебе повезло!»

Как и в клинской газете «Серп и Молот», в новоторжской особо представлена социальная тематика. Сообщается, в частности, о том, что глава администрации подписал два постановления, «направленных на социальную защиту детей из неполных семей и находящихся на опеке». Администрация предписывает отделу социальной защиты населения «организовать выдачу продуктов из расчета по 75 тыс. рублей на семью, не получающую пенсии по опеке или потере кормильца и состоящую на учете в городском отделе народного образования». Другим постановлением администрация обязывает тот же отдел «организовать выдачу продуктов из расчета по 100 тыс. рублей на

семью, где воспитывается более двух детей при отсутствии отца и не получающую алиментов».

Сто тысяч – это меньше двадцати американских долларов. В московских ресторанах хватило бы на две розы, но два цветка дарить живому человеку не принято. Здесь же на эти деньги можно купить семь-восемь ведер картошки, или четыре килограмма сливочного масла, или килограммов двадцать муки, да еще много такого, что поможет жить. Вопрос в том, насколько все эти предписания и обязательства выполняются и скольким семьям так помогли?

Также мое внимание привлекло письмо в редакцию, подписанное группой пенсионеров. Вот его содержание:

«До недавнего времени мы, пенсионеры улицы

Студенческой и других улиц этого микрорайона, были очень благодарны руководству опытно-производственного хозяйства им.Ленина за то, что хозяйство продавало нам разливное молоко по доступным ценам. Сейчас доставку молока из хозяйства прекратили, и мы остались без этого необходимого продукта. Говорят, нашли более выгодные пути реализации.

Мы обращаемся с большой просьбой к руководителям колхозов и совхозов района наладить доставку молока в наш микрорайон. Достаточно будет привозить молока два-три раза в неделю. Место стоянки – асфальтированная площадка рядом с центральным телеграфом. Очень надеемся на понимание».

Маленькое, неприметное письмо, в такой же неприметной газете. Но какое символическое! «Опытно-производственное хозяйство имени Ленина» – не вся ли наша страна, жителям которой в одночасье прекратили «доставку молока по доступным ценам»?..

Придя уже подготовленным в редакцию газеты, я был любезно принят главным редактором.

Олег Ильич представляет собой немолодого человека, которому вот-вот исполнится шестьдесят, с неторопливыми манерами, размеренной речью и внимательным взглядом, который отличает людей его поколения и его профессии при неожиданных встречах. Он сидел за традиционным т-образным столом в довольно просторном кабинете, за

спиной у него висел инкрустированный портрет Ленина, видимо стоящий на балансе редакции, а на противоположной стене – панорама Торжка. Олег Ильич курил дешевые отечественные сигареты, которые беспрестанно тухли, но он с такой же настойчивостью их прикуривал вновь и вновь.

Я представился обозревателем одной из московских газет и, сославшись на путешествия Радищева и Пушкина, сообщил, что привело меня к нему то обстоятельство, что здесь в Торжке ими обсуждалась тема цензуры. Кто как не главный редактор газеты может помочь в этом вопросе и пролить свет на нынешнее состояние проблемы?

Из беседы я выяснил, что Олег Ильич работает в газете тридцать лет, из которых двадцать семь – главным редактором! Он возглавил редакцию еще в те времена, когда первым секретарем горкома партии был товарищ Кобылин, правивший городом двадцать три года. (Вот была стабильность!)

– Это был исключительно порядочный и умный человек, настоящий руководитель и отзывчивый товарищ, – вспоминает о нем Олег Ильич, глядя на панораму Торжка сквозь густой табачный дым.

– Он никогда на нас не давил. Мы печатали в газете всё, что хотели. Он мог лишь иногда, как бы мимоходом, сказать нам, по-товарищески, мол, зачем вы, товарищи, дали статью про разваливающуюся деревеньку? Что, у нас хороших деревень в районе нет? Нехорошо, товарищи... И всё. Больше никак не вмешивался. Вот какая у него была цензура в то время!

Олег Ильич входил в свое время в бюро горкома партии и, по его словам, всегда отстаивал там свою особую точку зрения. Иногда не соглашался даже с мнением всемогущего первого секретаря.

– Меня, – говорит Олег Ильич, – поддерживали и другие члены, которые самостоятельно мыслили. Например, Николай Иванович Попов, председатель колхоза «*Мир*». Это известный у нас колхоз. Он и сейчас на плаву, и там люди работают, получают зарплату вовремя, урожай хороший... Так вот, мы с ним были в такой связке: по мышлению, по, так сказать, осмыслению ситуаций и прочему. Но вот когда началась эта передряга...

Здесь Олег Ильич замолчал, поморщился, его сигарета почему-то потухла, он это заметил, неспешно прикурил, вздохнул и очень своеобразно рассказал о смене общественно-экономической формации на одной шестой части суши.

– Как-то ко мне приходит демократ, есть у нас такой... Как его?.. Он работал учителем истории, потом все бросил и ушел из школы посреди учебного года. Занялся политикой. А какая, к черту, может быть у нас политика? Это в Москве или Питере – политика. А в Торжке какая политика!.. Так вот, он давил на меня по-всякому, приносил в редакцию всякую чушь. Напишет такое – не то что публиковать, редактировать стыдно... Евсеев – его фамилия... И не один приходил, а с его этой самой... партией. А чтобы меня на чем-то поймать, приводил с собой такого же... как его?.. Рожкова. Но этот-то сейчас, правда, образумился, стал фермером, видимо, понял, что жизнь идет и надо что-то делать, а не просто политикой заниматься.

Олег Ильич рассказал, как этот самый Евсеев затащил однажды к нему в редакцию корреспондента «Известий».

– Он как раз сидел вот тут, где вы сидите, а эти меня третировали со всех сторон. Но этот корреспондент... как его?.. Выжutowич, мужик, видимо, неглупый, почитал то, что я отклонил, и говорит: «Уберите это». И дал большую статью в «Известиях»... забыл название, – строк на триста. Написал, что в Торжке людей интересуют огороды, а не политика, и только один бездельник, вот этот безработный «политик», всю воду мутит... То есть «Известия» были полностью на нашей стороне...

Спрашиваю Олега Ивановича, как он оценивает нынешнее состояние страны и города...

– Мнение мое одно: нам надо работать. Производство возрождать.

И далее главный редактор рассказал об уникальных производствах города, таких как завод «Марс», который обеспечивал электроникой оборонную и космическую промышленность; завод «Витязь», выпускавший уникальные изделия, в том числе сердечные клапана, которых нет нигде в мире, – теперь этот завод едва сводит концы с концами; есть в Торжке мясокомбинат, который мог бы обеспечить продукцией весь Торжок и еще Москве бы отдавал. Раньше строили в Торжке двадцать две тысячи квадратных метров жилья, а в этом году, по словам Олега Ильича, будет хорошо, если осият пять.

– У нас есть производство, на котором делают уникальную пожарную технику. Лучшую в мире на сегодняшний день. У них пожарная лестница выдвигается на сорок пять метров! И сейчас делают еще бо́льшую. Так этот завод, можно сказать, стоит... Или другой завод, вагоностроительный. Он работал на оборонку и выпускал спецвагоны для перевозки секретных военных грузов, а сейчас перешел на строительство электричек. Отличные электрички! Их разбирают только так. Но в последний раз приехали за нашей электричкой сразу три представителя: из Санкт-Петербурга, Москвы и Екатеринбурга. И ни у кого нет денег. Говорят, мы её заберем, а потом расплатимся. Но когда это «потом»? Отдают, конечно, электричку: чего её здесь держать? Но за неё потом расплачиваются чугунными болванками и прочей ерундой. А рабочим-то нужны деньги. А электричка – прекрасная! – еще раз с гордостью произнёс Олег Ильич.

Но в Торжке есть предприятия, которые живут хорошо. Например, завод полиграфических красок. Он единственный в России и выпускал в свое время девяносто три процента всей полиграфической краски в стране. Завод этот, хотя и сокращается, но все же работает, а рабочие там получают относительно высокую зарплату: от пятисот тысяч до миллиона. Ну, а новоторжская молодежь, по словам Олега Ильича, в основном болтается.

– Мы еще как-то держимся. Понимаем, что из пушки по воробьям не стреляют. На то, что делается в верхах, мы воздействовать не можем. Но что касается города, то здесь мы стараемся что-то делать.

– А бывает, чтобы вы чего-то не напечатали по цензурным соображениям? – вернулся я к изначальной теме, от которой был ловко уведен многоопытным редактором.

– Нет, такого не бывает. Я даю всем возможность высказать свое мнение. Единственное, чего не даю, это когда темные дела. Вот мы не печатаем сейчас нашего прокурора, хотя на меня давят руководитель администрации и его замы. Даже пообещали посмотреть на мою работу в будущем...

– Вас могут уволить? – забеспокоился я за Олега Ильича.

– Ну, как это «могут»? Наши учредители – городская и районная администрации и коллектив газеты. Если они все согласятся, то могут и

уволить. Но, с другой стороны, они нас финансируют. Так что могут не увольнять, но перекрыть кислород и сказать: «Нет денег!» То есть и не виноват никто, и газеты не будет. Вот такая сейчас цензура. На финансовом уровне.

Я поблагодарил Олега Ильича за беседу и спросил, не знаком ли он с автором книги о пушкинских путешествиях по этим краям. К счастью, В.Ф.Кашкову он знал хорошо и, по моей просьбе, тут же связался с нею по телефону...

Через двадцать минут я уже был в квартире у Валентины Федоровны.

В трехэтажной «хрущевке» – двухкомнатная квартирка. Чистота. Простота. Уют. Из окон – вид на Тверцу. На другом ее берегу – церковь, видом которой Валентина Федоровна дает полюбоваться и мне. Более сорока лет преподает она в местном педучилище русскую классическую литературу! От рождения – новоторка. Ну а характер новоторов древние летописи отождествляют с новгородским: *"беша бо человеци суровы, непокорови, упрямчивы, непоставни (неудержимы)..."*

Её книга – о Пушкине, пушкинских странствиях по дорогам России, по этой самой дороге, между двумя столицами. *«Мне путешествие привычно и днем, и ночью – был бы путь...»* – такой эпиграф у этой книги¹.

– Случилось со мной счастливое обстоятельство, что я живу на этой дороге, – рассказывает Валентина Федоровна. – Если для Александра Сергеевича это, с одной стороны, география, с другой – человековедение, то для меня здесь географии нет. Эта дорога – моя родина, моя жизнь, судьба... На этой дороге жили мои предки, здесь моя, уходящая корнями вглубь, история. Написать книгу о путешествиях Пушкина по этой дороге мне хотелось давно, и подбиралась к ней не сразу... Не люблю выражений: «пушкинист» или «занимается Пушкиным»... Я Пушкиным не занимаюсь, и я не пушкинист. Просто его люблю. И в течение сорока лет встречаюсь с

---

¹Кашкова В.Ф. Пушкинский путеводитель. - Тверь, 1994.

ним, преподавая литературу. Еще до того как в наших краях, называемых «пушкинским кольцом», стали открывать музеи, мы искали и собирали материалы и нашли много интересного, во многом непонятного до сих пор. Я часто думаю: что именно – счастье или, наоборот, несчастье, привлекало его к нам в Тверскую губернию? За сотни верст, осенью, по бездорожью в глушь тверскую едет, чтобы закрыться здесь в четырех стенах и писать. Почему? Ведь четыре стены были и в Петербурге, можно было уединиться и там...

Здесь я осторожно прервал рассказ Валентины Федоровны, чтобы успеть спросить о конкретном путешествии Александра Сергеевича, о том самом, по следам которого еду... Ответ меня обескуражил.

По словам Валентины Федоровны, в действительности путешествующий – не совсем Пушкин, и даже скорее совсем не Пушкин. Это лишь его герой, которого поэт придумал с тем, чтобы оставить за собой право более свободно излагать свои мысли.

– Так что же, выходит, он и не ехал в этой своей кибитке? – возмущался я.

– Это было задумано как литературно-публицистическая статья, а не как воспоминания, записки или мемуары. Если он будет только биографичен – вот я, Пушкин, камер-юнкер, и об этом пишу, – то многое должно было бы измениться. Например, не осталось бы такой подтекстовой иронии над самим собой, а там её много. Какой это путешественник? Сидел пятнадцать лет дома, в Москве, потом узнал, что проложили новое шоссе в Петербург, и поехал его посмотреть, а посмотрев, удивился. Он относительно добродетельный; не бог весть какого ума, но и не глуп; интересуется литературой, стихосложением, почитывает Радищева и, вообще, не такой простачок, каким кажется на первый взгляд; у него, конечно, средний уровень представления обо всем – поэтому читателю легко его обойти, подняться в чем-то выше уровня его суждений... Невольно увлекаешься, попадаешь в ловушку и начинаешь думать: «Вот ведь, даже Александр Сергеевич этого не увидел, такого не заметил, этого не знал, а здесь он вон какой нехороший...» Но это все-таки не Пушкин, а лишь его герой...

– Так, значит, и книгу Радищева Пушкин читает не впервые? – спросил я Валентину Федоровну, уже совсем разочарованный крахом своих литературных «открытий».

– Да это «путешествующий» открыл её впервые! А сам Александр Сергеевич её знал досконально. Не было образованного человека в то время, кто бы не читал эту книгу. Такой человек просто бы перестал себя уважать. Радищев был, в какой-то степени, совестью своего века. Можно было в чем-то с ним не соглашаться, спорить, но не знать эту книгу было бы для образованного человека позором.

– То-то меня несколько смутил тон, каким Пушкин пишет о Радищеве, – признался я Валентине Федоровне. – Ругает его... Постоянно недоволен... Цензуры требует...

– Это опять-таки говорит не Пушкин, а его путешественник. Конечно, сам Александр Сергеевич тоже не согласен с некоторыми представлениями Радищева. Например, с тем, что он полагался на революцию, считая, что только она может изменить мир к лучшему. Пушкин, живший в повзрослевшем на полвека мире, пережив французскую революцию, полагается больше на просвещение, на мирную реформацию общества. И не один Пушкин так думал. Людей отчаянно революционных было не так уж много, потому что люди видели плоды революции во Франции, знали, что такое гильотина, и понимали, что человек после революции не стал счастливее. Если бы у Пушкина эта статья была дописана до конца, то, любопытно, к каким выводам он привел бы своего путешественника? И как бы он сумел соединить эти две присутствующие у него линии – своего героя и самого себя, Пушкина, который находится постоянно в дороге? Недаром ему однажды сказали: «Пушкин, вы живете на большой дороге». Он двадцать семь раз проехал через Торжок!

– Но многие, – говорил я Валентине Федоровне в свое оправдание, – определенно считают, что это и есть Пушкин, и полностью соглашаются с теми оценками, которые он дает Радищеву.

– Всё гораздо сложнее. Представьте, что с тех пор как Радищев запрещен, прошло полвека, выросли два поколения, которые Радищева не читали. Поэтому Пушкин находит способ вернуть его читателям. Посмотрите, сколько он его цитирует. Надо внимательно перечитать

статью и постараться понять, как всё здесь непросто. Я думаю, что именно потому, что так все непросто, Пушкин и не дописал её до конца. Поднять руку на Радищева и постараться его уничтожить – это не бог весть какое достоинство, и для Пушкина, я думаю, не было бы подвигом. Никто, собственно, этого не сделал никогда. Радищев мог в чем-то ошибаться, высказываться слишком восторженно, выпендренно, но ему нельзя отказать в человеческом подвиге. Он выстрадал себя, и это надо понимать, когда мы оглядываемся назад. Мы очень самонадеянно судим всех: этот понял, этот не до конца, а этот не понял совсем... И Радищев, и Пушкин жили в свой век, и оба ненавидели рабство. Слава Богу, это была святая ненависть. Но кто сегодня скажет, что он любит рабство? Радищев был особо почитаем во времена Советской власти, но сама эта власть загнала крестьянина в еще большее рабство. Лишили документов, права передвижения, выезда... А сейчас? Во все времена человек находился в поиске правды. И каждое поколение, в каждом столетии, ведет свой поиск, в поте лица, в страданиях и утратах. И может быть, когда-нибудь кто-нибудь отыщет эту правду на своем пути, может быть, на этой самой дороге... Но всё равно придут новые поколения и вновь будут искать...

- Александр Сергеевич, – продолжала рассказывать Валентина Федоровна, – на эту статью делает три захода. Три раза берется за нее с интервалом в полтора года. Это хитрая статья, и понять её до конца никто не может. По поводу этого очерка есть специальные работы, и они тоже неуверенные, хотя их пишут люди с именами. Каждый пытается по-своему осмыслить, и мы не вправе в этом никому отказать. Но мне так и не понятно, что заставило Пушкина положить эту статью в стол? В ней так много чего-то страдальческого, личного, невысказанного, того, чего он так и не дописал... Он так и не «доехал» до Петербурга и остановил своего путешествующего здесь, неподалеку, в Вышнем Волочке...

Я покидал Валентину Федоровну в восторге и смятении. Как быть дальше? Кажется, что все мои представления разрушены, как и разрушена конструкция книги: тот, кого я считал Пушкиным, оказался им лишь отчасти, и остается только гадать, каково соотношение в том или ином эпизоде, сюжете, высказывании между Пушкиным и его героем. А сам Александр Сергеевич – тоже хорош... «Ловушки» всякие. Теперь, что же, все переписывать с начала, с объяснениями и дополнениями? Делать вид, что всё знал заранее: и про «путешествующего», и про книгу Радищева?..

Нет. Пусть уж все остается как есть. Поедем дальше по дороге в Санкт-Петербург, уже зная, что здесь Александр Сергеевич не просто проезжал много раз, а буквально жил, искал свою правду, уединяясь в этих краях. Он скрывался от столицы, от бомонда и суеты, от той России, которая, по нашей книге, заканчивается в Черной Грязи, – в другую, которую старался понять, которую любил, восхищался, ненавидел, от которой бежал, но вновь и вновь возвращался.

«Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство», – писал Пушкин в сердцах своему другу Вяземскому. Не это ли эталон патриотизма? Нашего патриотизма! Он и похоронить себя велел не там, где почитаем, известен и любим, не в столичном пантеоне российской славы и величия, а здесь, в России, которой еще не знаком, не ведом.

Из письма С.Н.Карамзиной:

«...вечером мы ходили на панихиду по нашему бедному Пушкине. Трогательно было видеть толпу, которая стремилась поклониться его телу. В этот день, говорят, там перебивало более двадцати тысяч человек: чиновники, офицеры, купцы, все в благоговейном молчании, с умилением, особенно отрадным для его друзей...

...В понедельник, в день похорон, т.е. отпевания, собралась несметная толпа, желавшая на нем присутствовать, целые департаменты просили разрешения не работать, чтобы иметь возможность пойти помолиться, все члены Академии, художники, студенты университета, все русские актеры...

...Вся площадь была запружена огромной толпой, которая устремила в церковь, едва только кончилось богослужение и открыли двери; и ссорились, давили друг друга, чтобы нести гроб в подвал, где он должен был оставаться, пока его не повезут в деревню...»

Из дневника А.В.Никитенко:

«...Это были действительно народные похороны. Все, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге, – все стеклось к церкви, где отпевали поэта. Это происходило в Конюшенной. Площадь была усеяна экипажами и публикою, но среди последней ни одного тулупа или зипуна. Церковь была наполнена знатью...»

Но вот что пишет в дневнике все тот же Никитенко:

«...Дня через три после отпевания, Пушкина увезли тайком в его деревню. Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции, неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

– Что это такое? – спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

– А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит – и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи – как собаку».

Желая быть похороненным в сельской глуши, в российской провинции, Пушкин как бы показывает, где его Россия и с кем он до

скончания века. Но и нам всем, и самой России он гробом своим тоже подсказывает: где надо быть и в чем искать свое Продолжение.

* * *

Село Прутьня находится недалеко от Торжка, примерно в пяти километрах в стороне от трассы. А знаменита Прутьня тем, что здесь покоится прах Анны Петровны Керн. Не знаю, кем была она для Пушкина – подругой, любовницей, просто временным увлечением, но только известно, что именно ей поэт посвятил такие строки, которые знает у нас каждый с раннего возраста. И если она вызвала у Александра Сергеевича такое вдохновение, то, видимо, чего-то стоила. Там ведь было не только «чудное мгновенье», но и более сложные отношения, отраженные в пушкинских письмах. Когда умерла А.П.Керн, ей было уже почти восемьдесят. Ее везли хоронить в свое имение, но по каким-то причинам, кажется из-за распутицы, не довели и похоронили в Прутне. Могила Анны Керн находится на старом погосте у церкви, которая вот уже несколько лет, как вновь открыта для прихожан. На ограде, перед входом в церковь, вполне земное объявление:

Уважаемые новоторы и гости!

Пожалуйста, будьте милостивы к усопшим и красоте здешних мест.

Около храма не гуляйте с собаками,
не сорите, не пьянствуйте, не нарушайте покой.

Да хранит вас Господь Бог.

Когда я подошел к могиле, ни рядом, ни вокруг не было ни одной живой души. Была поразительная тишина. На могиле простая каменная глыба, на которой начертаны дата рождения и смерти – 1800–1879, и все те же пушкинские строки:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

Я обошел церковь и направился обратно к трассе. Немного проехав, заметил одинокую старушку, которая шла в ту же сторону. Остановился: думаю, дай-ка подвезу её. Авось расскажет об А.П.Керн.

– Народу бывает очень много, – говорит старушка. – Приезжают на могилу посмотреть, где она похоронена. Даже с больших городов приезжают. Приходит много молодоженов. Их расписывают по пятницам и субботам, и вот они приезжают всей свадьбой сюда.

– Почему же они сюда приезжают? – удивился я.

– А больше им некуда ехать. Они приезжают к Анне Керн, кладут цветы, вынимают бутылки, закуски, раскладывают на лавочке и выпивают. Выпили, закусили, на Анне Керн побыли и поехали. Вот и всё. Им больше некуда ехать. Конечно, батюшка очень возмущается. Их ведь очень много приезжает, и они здесь смеются, шумят, бутылки бросают, фантиками сорят... А нам ведь всё это надо потом убирать. Это же кладбище...

Мы уже подъехали к месту, куда следовала старушка, и я лишь успел спросить, как ее зовут.

– Бабушка Нина, – добродушно ответила она и, прощаясь, сказала мне: «Спаси вас, Господи!»

Необычно попрощалась. А впрочем, почему необычно? Ведь я подвез её не для того, чтобы помочь, а только потому, что хотел, чтобы она сама помогла мне: рассказала про Анну Петровну Керн... Кому же, как не мне, надо спасаться?

